18+

КАК ВЫЙТИ ИЗ РАЗВОДА БЕЗ ПОТЕРЬ?

ИРИНА СУДАКОВА

Ирина Судакова

Как выйти из развода без потерь?

«Издательские решения»

Судакова И.

Как выйти из развода без потерь? / И. Судакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-676781-2

«Как выйти из развода без потерь?» — это пронзительная история женщины, чья жизнь рушится в одночасье. После двадцати шести лет счастливого брака, наполненного любовью, доверием и воспитанием двоих детей, героиня сталкивается с предательством мужа.Но эта книга ещё и о том, как пройти через все круги ада: от шока и отчаяния до принятия и возрождения. Героиня находит в себе силы подняться, переосмыслить свою жизнь и заново научиться быть счастливой.

ISBN 978-5-00-676781-2

© Судакова И.
© Издательские решения

Содержание

Первая трещина 6
Неожиданные улики 10
Пазл 3 14
Первый день смерти 16
Второй день смерти 24
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Как выйти из развода без потерь?

Ирина Судакова

Дизайнер обложки Мария Ларионова

© Ирина Судакова, 2025
© Мария Ларионова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-6781-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие мои! Эта книга посвящается вам. Всем тем, кто помог мне выжить в очень непростой период жизни. И, прежде всего, я благодарна моим детям. Которые просто взвалили на плечи умирающую тушку и вынесли из ада. Любимые мои, вы – лучшее, что есть у меня в жизни. Спасибо Настеньке, за исцеляющие прогулки с Хамом-Сириусом (пусть будет?).

Друзья мои! Вы – невероятные! Не знаю, как бы выкарабкалась без вас. Вы дарили мне по пёрышку из своих крыльев, чтобы я могла починить свои сломанные. Сейчас они у меня снова есть. Хоть летать я ещё не могу (да и не знаю, смогу ли когда-нибудь), но уже довольно резво подпрыгиваю.

Спасибо коллегам, проявившим такт и понимание, и тоже поддержавшим меня. Мне всегда везло с коллективами, где я работала, но этот – просто вау!

Спасибо всем тем, кто звонил, писал, хвалил, сочувствовал и не давал свалиться в яму самоуничижения!

Спасибо всем, кто просто молча радовал своими лайками и вниманием.

Особенное спасибо моему мужчине. Самооценка брошенной женщины падает в минус. В его глазах я вижу прекрасную себя! Это неоценимо!

Я выжила, и надеюсь, что кому-нибудь мой опыт тоже поможет взлететь после смерти.

Первая трещина

«Привет!» – на экране телефона любимого мужа высвечивалось сообщение от неопознанного абонента. Это слово ледяным колом врезалось в поясницу, от чего холодным потом окатило всё тело. Привет? Всех друзей мужа Милочка знала и даже не могла представить, чтобы кто-то из них написал это игривое слово без продолжения. За сообщением точно скрывалась женщина.

Ещё пару месяцев назад Людмила и подумать бы о муже что-то плохое не могла. Настолько любила. Настолько берегла свою семью. Но Стас изменился. Стал отстраненным, сердитым, смотрел на супругу с какой-то снисходительной жалостью. Под этими взглядами женщине становилось не по себе. Это как будто родными глазами смотрит на тебя чужой, неприятный тип.

Как там у Толстого? Все счастливые семьи счастливы одинаково, а несчастны по-своему? Счастье у Милочки и Стаса было, определенно, не похоже на других. Однако женщина всегда ощущала, что счастье – это не столько про супруга, сколько про неё. Стасик был очень закрытым человеком. Он никогда не говорил о чувствах. «И я», «аналогично», «ага» – на привычное «люблю тебя». Зато от него всегда шла забота, снисходительное покровительство… и, наверное, всё. Восемь лет, на которые Милочка была старше мужа, за долгую совместную жизнь для неё практически стерлись. Потому что она по жизни была инфантильной, закомплексованной девчонкой. Так и не повзрослела. А ещё оправдывала это давними семейными традициями: по линии отца в семье её практически все жены были старше мужей. Видимо, инфантильность женщинам их рода передавалась из поколения в поколение. И, несмотря на разницу в возрасте, Милочка чувствовала себя наивнее и простодушнее супруга, присутствие которого делало её существование защищенным.

Поэтому и ценила его, и берегла, поэтому баловала и лелеяла. И все двадцать шесть лет удивлялась, как такой красавчик смог выбрать невзрачную толстушку. Яркий голубоглазый брюнет, невысокий, но с обалденной мужской фигурой: широкие плечи, узкие бёдра, сильные руки… Руки его Милочка любила особенно. И не раз замечала заинтересованные женские взгляды в сторону супруга. И комплексовала…

На все праздники в семье Окуневых было принято дарить подарки. Не абы какие. Обычно, дорогие и неожиданные. И в конце марта опять остро вставал вопрос: что дарим папе?

Что подарить любимому мужчине на день рождения? Особенно, если этот мужчина вот уже двадцать шесть лет как муж. Фотоаппарат полупрофессиональный и дорогущий – был; снаряжение для подводной охоты – было; внезапная поездка к морю на несколько дней в апреле, прямо в день рождения – была; оборудование для домашнего пивоварения – вот оно, занимает целый огромный шкаф. Туристическое снаряжение для похода в горы – пожалуйста!

Стасик вообще любил экстрим. Если на горной тропе – подойти к самому краю пропасти под возмущенные писки жены. Если подводная охота – то ночью и до самого рассвета. И наплевать, что жена в такие ночи глаз не смыкала – ждала, хоть утром нужно было на работу. В голове вертелись самые страшные картинки с фатальным концом. Сама придумала – сама запаниковала. Стасика это никогда не заботило: «Ложилась бы и спала. Кто тебя заставляет ждать?».

В этом году на семейном совете – Милочка, сын Александр и дочь Даша – было решено подарить папе прыжок с парашютом. Давно мечтал…

Сыну было как-то фиолетово, а мама и дочка со всем основанием взялись за подбор фирмы, отзывы, сроки, сертификаты.

Зять вяло возмущался: «Вот две дурынды! Боитесь на рыбалку отпустить, а тут – парашют! Про страховку не забудьте спросить».

У Милочки всё внутри замирало от страха. Но ведь он так хотел!

И вот, наконец, глава семейства приехал с вахты, и в первые же выходные, благо стояла хорошая погода, они всей семьёй отправились на аэродром.

Стас был напряженный и неразговорчивый. Судорожно сжатые руки на руле, застывший взгляд, короткие сердитые реплики…

Вообще в последнее время Милочка замечала, что он изменился, но списывала это на усталость. Немолодой уже – по вахтам-то мотаться. Вот сейчас шагнёт в пустоту, перезагрузится, и всё будет хорошо! Именно так женщина представляла себе прыжок с парашютом – шаг в другое измерение. Пусть с адреналином выплеснется усталость и негатив!

Как было хорошо, когда жили они в районном центре, Стасик работал простым водителем в местном филиале столичной компании. Три года назад покой закончился. Заразил же друг Толик, крёстный сына, мечтой о дальнобое: романтика, мощная машина, путешествия. Всё, как любит муж. И деньги хорошие. А что к этому прилагается разлука больше чем на месяц, тяжёлая работа, недосып. Об этом и не думалось. Супруг вообще редко задумывался о будущем – жил одним днём.

Аэродром начинался почти сразу за поворотом с трассы, метров через сто. Огромное поле за двумя ангарами – большим, основным, и поменьше. «Наверное, там и живут самолёты», – думалось Милочке.

А рядом с ангарами она увидела чудо: маленький самолётик и мизерный, практически игрушечный, вертолётик. Женщина сначала подумала, что это дрон. Но ей объяснили – это полноценное транспортное средство и прогулка на такой технике тоже входит в список услуг компании. И как лететь на таком? Страшно!

Однако, вся эта техника выглядела, как одна семья – большой и надёжный папа, мама поменьше и маленький милый сынишка.

За ангарами начинались две взлётно-посадочные полосы, а между ними площадка, на которую, по-видимому, должны приземляться парашютисты. Небольшой пятачок земли пестрил какими-то знаками. Дети предположили, что для ориентира.

Весь аэропорт казался маленьким и уютным. Взлётное поле по горизонту окружал лес. Было много воздуха, неба и простора. И, хотя в воздухе с самого утра парило, небо было чистое, и весь антураж создавал ощущение полёта. Милочка в своём синем воздушном платье чувствовала себя бабочкой, приколотой солнечными лучами на зелёный бархат травяной подушки.

Она вообще была воздушной. Несмотря на полноту. Ей иногда казалось, что тело распирает изнутри счастье, жажда жизни, удовольствие творить. Огонь вдохновения – вот что бурлило в ней постоянно, отражалось в больших серых глазах, которые могли голубеть или зеленеть по настроению. Иногда они становились темными, грозовыми, наливались слезами. Да, она была сентиментальная плакса. А ещё верила в сказки. И писала их.

Удивительно, но доморощенная писательница никогда не задумывалась о славе – важен процесс. И творческий экстаз, сродни сексуальному. У самурая нет цели, только путь…

Хотя восхищение других тем, что она делает – будьто стихи, какие-то красивые безделушки, еда – ей было очень приятно. Как любой кошке ласка.

Все предпрыжковые мероприятия шли как-то медленно, лениво. Ожидающие маялись под набирающим силу солнцем. Чем дальше – тем жарче становилось. А ещё накатывала духота, уже вовсю намекая на близкую грозу. Горячий воздух обволакивал, как патока, делая движения медленными, работу тягучей.

Первые две группы парашютистов стартовали одна за другой с большим перерывом. Время застыло. Хотелось пить, в тень, под холодный душ. Просто завалиться звёздочкой на траву и расслабиться. Но волнение заставляло двигаться, нарезать круги и следить за прыж-

ками других. Кажется, всё семейство Окуневых волновалось больше главного действующего лица.

Когда подошла очередь Стаса, дело завертелось. Жена и великовозрастные дети – маленькая суетливая толпа – бегали от ангара к взлетной полосе, потом к машине, потом снова к ангару за папой. Тот заполнял какие-то бумаги, потом переоделся в синий костюм. Было видно, как волнуется, но, наверное, только Милочке. За столько лет каждая эмоция супруга считывалась на раз.

Группа состояла из десяти человек. Четверо прыгали сами, трое – с инструкторами. Один вообще выполнял прыжок на кандидата в мастера спорта. Практически, профессионал.

Парашюты радовали глаз всевозможными расцветками.

В команде была даже девочка лет четырнадцати. Видимо, не впервые, потому работники аэродрома общались с ней как к завсегдатаю. Конечно, на её фоне взрослым мужикам показывать свою слабость было не комильфо, и они скрывали свои страхи, хорохорясь перед окружающими.

Мила жутко волновалась. А что, если парашют не раскроется, а если унесёт. Да даже элементарно инструктор не удержит – вон он какой маленький да субтильный. Стасик на голову выше и раза в два шире. Однако, во время инструктажа мнение паникёрши о профессионализме инструктора изменилось. Он обстоятельно, со знанием дела объяснил этапы прыжка и с лёгкостью удержал пристегнутого к нему спереди и подгнувшего ноги подопечного.

Женщина успокаивала себя: за день это уже третья группа, и ничего ни с кем не случилось. Но, когда самолёт оторвался от земли, сердце её рванулось туда, за мужем.

На втором заходе из маленького пятнышка высоко в небе вывалилась мизерная, еле заметная точка. Это был профессионал, который сдавал экзамен.

Толпа наблюдателей с примкнувшим к ней семейством Окуневых заволновалась.

Часть неба засвечивалась солнцем, и разглядеть в том секторе парашютиста было просто невозможно. И, когда что-то пошло не так, стоящие внизу поняли это не сразу. Нечто падало без парашюта. На предыдущих прыжках такого не было, и сердце Милочки практически остановилось.

Через несколько минут – а показалось, что секунд – под истеричные выкрики толпы какой-то предмет размером с человека стремительно приблизился к земле метров за сто до отмеченной зоны посадки и с гулким стуком упал. Крики зрителей разом замолкли, и в наступившей жуткой тишине стук прозвучал отчётливо несмотря на расстояние.

Зрители замерли в ужасе. А Милочку не удержали ноги, и она покачнулась. Неужели парашютист-одиночка так эпично рухнул?

– Мам, что с тобой? Тебе плохо? Смотри, нет никакой паники. Это предмет какой-то, может, балласт выбросили, – дочка поддержала испуганную мать.

Действительно, паники среди сотрудников, не было. Лишь в отдалении что-то кричал в рацию сердитый мужик в камуфляже, да пара человек из ангара побежали по направлению к приземлившемуся объекту.

И тут же кто-то из зрителей закричал, привлекая внимание к летящему по небу объекту.

Оказалось, что основной парашют не раскрылся, и одиночка, скинув балласт, воспользовался запасным. Его белый купол стремительно удалялся от аэродрома в сторону трассы. Рабочий внедорожник с местными технарями умчался за беднягой, которого уносило всё дальше и дальше от места запланированной посадки.

Напряжение зашкаливало. Самолёт тем временем заходил на следующий круг. Милочка беззвучно молилась.

Из железной птицы посыпались парашютисты: один, два, три. Вон, вроде, и парашют Стаса с инструктором… Во всяком случае, цвета те, о которых говорил муж.

Милочка напрягала зрение, сжимала кулачки и чуть не плакала от волнения.

Нет. Тоже одиночка. Где же супруг?

Парашют мужа появился с солнечной стороны. Он плавно снижался. Дочь уже вовсю снимала на камеру эпичное приземление отца-героя.

Женщина первая подскочила к приземлившимся, и сердце её дрогнуло.

Лицо Стаса было пепельного цвета. И, хоть инструктор уже отцепил все ремни, его подопечный продолжал сидеть на земле, приходя в себя.

Вот эта его особенность – боль в животе от перегрузок – была известна Милочке. Что это – сердце или желудок – нужно было обследоваться.

Но, несмотря на ужасное состояние, он пытался улыбаться обеспокоенному инструктору и шутить: «Да, классно! Можно ещё раз?»

Потом грузно встал и медленно, тяжело пошел в ангар, где ещё минут двадцать в кресле отходил, делая вид, что интересуется, что там отснял нанятый оператор.

Пока заканчивалось оформление бумаг, Милочка тоже приходила в себя. Вот ведь, и в небе не была, а как будто сама прыгнула. И даже живот начал побаливать – за столько лет даже болячки любимого человека она чувствовала, как свои.

Женщина села в машину, откинула голову и сидела, пока сердце возвращалось к привычному ритму.

Она видела, как Стасик медленно брёл к машине, видимо, тоже окончательно приходя в себя.

На небе собирались тучи. Наверное, всё-таки быть грозе.

Вдруг телефон мужа на водительском сидении завибрировал входящим сообщением. Сердце Милочки почему-то сжалось от нехорошего предчувствия. Женщина взяла аппарат и с опаской взглянула на экран.

Там высвечивалось одно слово – «Привет!». Номер не авторизировался.

Увидев, что жена взяла в руки его телефон, Стас прибавил ходу, резко открыл дверь и выхватил гаджет.

– Это кто с тобой так игриво здоровается? – произнесла она срывающимся голосом, разжимая руку.

С видимым трудом изменив недовольное выражение лица мужчина криво улыбнулся:

– Да мужики пишут. Серёга…

Однако она успела взглянуть через руку мужа на экран, где ещё раз прочитала: «Привет!»

«Нет, не Серёга…» – ударило в солнечное сплетение. Судорожные движения подтверждали подозрения: он сразу смахнул сообщения, и внутри у Милочки как будто кошка всеми когтями проехала, оставляя царапины.

Ну, нет! Не может быть! Переписываться с другой женщиной в такой удивительный момент жизни? Это не про Стасика. Мила усилием воли пыталась отогнать пугающие мысли.

А ещё было неудобно и неуютно. Как будто она подсмотрела в замочную скважину какую-то постыдную тайну мужа. И тревожно…

Но тут в машину ввалились дети. Восторги, визги, вопли – всё это как будто сгладило неприятный инцидент. Однако супруга всю обратную дорогу была печальна и задумчива, а муж нет-нет да и поглядывал настороженно в её сторону.

Машина ходко шла по трассе, всё дальше уезжая от грозовых облаков, собирающихся над аэродромом.

Потом была суета праздничного вечера, и происшествие почти забылось…

Неожиданные улики

Хоть и обещали в компании мужа график работы месяц на месяц, смены длились чуть больше. Здесь – как договорятся напарники. Стас со сменщиком условились работать, пока не накатают двадцать тысяч километров. Выходило примерно полтора месяца. Столько же, соответственно, и отдыхал каждый. Этот отпуск был короче.

Как объяснил жене Стасик, напарнику, у которого недавно родился четвёртый ребенок, кровь из носу нужно пятнадцатого августа поменяться – какие-то дела дома. Конечно же, милочкин супруг – большой души человек – не смог отказать.

Поездка на юга могла накрыться медным тазом. Однако, на семейном совете было решено, что первую половину августа супруги проведут на морюшке.

Стас клятвенно обещал смениться к этому времени. Поэтому, чтобы успеть отработать положенный месяц, в конце июня любимый муж помахал ручкой и умчался бороздить просторы России.

Кстати, Милочку беспокоили участившиеся простои. Особенно на заводе в Кондопоге. День-два приходилось Стасу ждать погрузки-разгрузки. Логисты работали из рук вон плохо. Страдали от этого и заработки. А так хотелось на море ни в чем себе не отказывать, в пределах разумного.

Милочка не была в отпуске два года, устала жутко и очень-очень ждала этого путешествия. И хотелось, чтобы оно было ярким, с кучей экскурсий, ресторанами и ночёвками в цивилизации, а не в палатке.

Разговаривая с мужем по телефону, она взахлёб делилась своими планами и надеждами. Он, как всегда скупо, ронял: «Посмотрим».

Семья Окуневых переехала в областной центр всего год назад. Ещё не очень обустроились в квартире, где прежние хозяева не доделали ремонт. В комнатах было красиво, а вот к остальным помещениям нужно было приложить руки. Двухкомнатная, уютная, с хорошей планировкой – хозяйке очень нравилась новая жилплощадь. Жаль, что первый этаж. Предыдущая-то была трехкомнатная, с балконом и просторной кладовой. Пришлось ужаться.

Когда покупали эту, у мужа было планов громадьё: плитка в ванной, стены в туалете, чуть-чуть подремонтировать сантехнику, сменить обои на кухне… Но с каждым приездом между рейсами запал Стаса остывал. Он целыми днями валялся на диване. Правда, сделал для кого-то на заказ деревянную розочку. Вроде, коллега попросил…

Розы у него получались шедевральные. Лепесточки почти прозрачные. Каждый листик показывал жене: «А это как, нормально?». И Милочка рассыпалась в восторгах.

На полке уже стояла одна такая. «Самая красивая, – думала счастливая супруга, – потому что для меня». Ну, говоря откровенно, она была явно красивее, чем та, последняя, на продажу. Пышнее, живее, что ли…

А ещё Мила заметила, что мужа, как будто, что-то гонит из дома. Каждый вечер он тянул её гулять. А женщине после насыщенного трудового дня хотелось тишины, покоя. Просто упасть звёздочкой на кровать, и чтобы её никто не трогал. Ну, кроме любимого мужа… Физически работа была не трудной, но вот морально изматывала. И она делала над собой усилие и шла за ним в рощу, на набережную, вокруг микрорайона… Лично Милочке эти прогулки удовольствия не приносили. Но она радоваласьхоть какому-то энтузиазму супруга.

Кстати сказать, Стасик, даже будучи дома, никогда не готовил что-то к приходу жены. Даже посуду за собой не мыл. И приходилось супруге готовить, и убирать вместо звёздочки. А Милочке что, трудно, что ли? Ей в радость! Сгребла себя в кучу и пошла вперёд походкой счастливой лошади!

Знакомые женщины, у которых мужья тоже работали вахтами, делились, что после месяца общения с нетерпением и огромным удовольствием выпроваживали благоверных на работу, и с таким же удовольствием встречали. Для Милы каждое расставание было болезненно. Она тосковала. Не проходило и часа, чтобы не заглянуть в гугл-карты, с любовью посмотреть на движущийся кружочек с любимой фоткой. Едет. Всё в порядке.

Когда-то давным-давно дочка нашла в интернете программу, с помощью которой можно человека отследить на карте, и уговорила отца и мать установить такую на телефоны. Когда Стасик сменил работу – ой как пригодилась эта программа паникёрше-Милочке. А то звонила бы по двадцать раз на дню. А здесь посмотрела – увидела и успокоилась.

Иногда, когда кружочек надолгозамирал, начиналась переписка: «Всё в порядке?», «Сломался?», «Не голодный?». В ответ скупо: «Всё в порядке. Поел. Ложусь спать». Иногда он радовал её видеозвонками, и она любовалась мужем. И было даже не важно, что он там говорит.

Когда он сменил работу, – из обычного водителя в какой-то конторе превратился в дальнобойщика, – его первая вахта стала для Милочки ужасом ужасным. Ведь больше двадцати лет, как говорится, попа к попе, и вдруг остаться одной!

Этот месяц сподвиг её на участие в проекте «Пишем книгу за тридцать дней». И она написала. Целый детектив. Который понравился всем родственникам и знакомым. Наверняка, он был несовершенный, но дочь сказала, что читается легко. Кстати, именно Даша стала вдохновителем, критиком и редактором первых прозаических опытов.

Участвовать в проекте было интересно. Общение с увлеченными людьми, познавательные мастер-классы и лекции, да и обозначенные перспективы внушали призрачную надежду на какое-то продвижение и скрашивали одинокие вечера и выходные.

Однако, начав писать, Милочка вдруг поймала себя на мысли, что скоро придется выкладывать написанное для оценки коллег по цеху. А вдруг её шедевр вообще что попало? И читать его совсем невозможно. Вдруг там всё по-детски наивно и смешно? Вдруг её раскритикуют? И тогда начинающий автор решил подвергнуть своё детище серьёзной проверке. Она отослала файл дочери с просьбой прочитать и что-нибудь сказать. Этот порыв случился утром. К обеду бедняжка убедила себя, что всё ужасно и в срочном порядке написала дочери, чтобы та ничего не читала.

Даша позвонила и, смеясь, призналась родительнице: «Я уже всё прочитала. Смотри, есть несколько недочетов, нестыковок. Я тебе там всё отметила. А вообще мне зашло. Начала прямо на работе. Зачиталась так, что не заметила вошедшего начальника. Чуть не спалилась. Знаешь, как странно читать и понимать, что знаешь этих людей? Пиши дальше, мамуля, у тебя всё классно получается».

Потом был конкурс на той же интернет-площадке на лучшее произведение к Рождеству. И у Людмилы Окуневой родилась взрослая сказка о рождественских сбычах мечт простых людей. Эта история заняла одно из первых мест и вошла в сборник. Не зря же она – сказочница!

Потом писательский раж угас. Случайно появился рассказик. И всё.

Нельзя сказать, что она не писала, но две её попытки в любимом жанре фэнтези, едва ли на половину дописанные, пылились в гугл-доках.

Милочка читала Стасику все свои произведения. А он хвалил, даже давал советы и заметил пару нестыковок. Видно было, что гордится своей супругой и радуется, когда она внимательно слушает его замечания и даже в результате что-то там исправляет.

Сейчас женщина ничего не писала. Но на работе для их театральной детской студии приобрели ширму, и она подглядела в интернете, как делать куклы на руку из колготок и синтепона. Получилось мило. Пара игрушек была сделана, одна на подходе. Она мечтала, что их кукольный театр развернётся в большой проект, как детки смогут получать удовольствие от такого творчества.

И сейчас, вечером, после работы она сидела с рукоделием и нет-нет – поглядывала на телефон. Что-то Стасик давно не выходил на связь. Сейчас он подъезжал к Кондопоге. И вроде жаловался, что загрузка будет только через день. Опять эти непрофессиональные логисты! Как можно заставлять машины по стольку времени простаивать, если заработок зависит от километража?

Закрепив ниточку, Мила привычно открыла карты. Значка не было. Обычно на этом маршруте машина мужа никогда не попадала в мёртвые зоны, и телефон любимого здесь не отключался.

Что-то случилось!

Вызов тоже не проходил.

Она нажимала и нажимала на контакт. Три вызова, пять, восемь… На десятом она сдалась.

Позвонила дочке. Та заглянула в карты и обнаружила там значок папы. Кондопога. Потом отключилась и перезвонила через несколько минут.

– Мам, всё в порядке! У него что-то телефон глючит. Загрузка послезавтра.

Как-то тревожно было Милочке. Ну, это же ненормально, что её телефон не ловит Стасика, а дочка увидела и даже поговорила…

Через полчаса Стас позвонил сам по видео и сразу накинулся на жену с упрёками:

– Ты что следишь за мной!? – лицо было красное, недовольное. За все годы совместной жизни он очень редко позволял себе повышать голос на супругу.

– Стасик, да как ты мог подумать! Разве я могу!? Да я никогда не детализировала изображение на картах. Просто вижу твой значок, и мне спокойно.

Что-то в выражении его лица насторожило женщину.

– А ты там один?

В его взгляде лишь на секунду мелькнул испуг. Но она заметила.

– У меня такое впечатление, что ты в машине не один. Покажи мне кабину…

Знаете, как иногда в этом случае пытаются обмануть тупых собеседников? Водят камеру перед собой, не охватывая весь периметр. Примерно так было сейчас. Стасик во всех ракурсах показал лобовое стекло.

– Ну, вот, видишь, нет никого.

В принципе, сейчас там могла быть рота солдат. Кабина огромная, размером с небольшую квартирку. Даже кровать за сиденьями больше, чем их первая супружеская.

– Нет, ты по кругу покажи!

– Что ещё придумала! – Муж сердился, пыхтел, но развернул ракурс ещё и на потолок машины. При этом лицо его становилось всё краснее и злее.

На заднем плане послышался звук осторожно закрывшейся двери.

– А кто это твоей дверью сейчас хлопнул? – Милочка слегка повысила голос, переходя на возмущенный писк.

– Совсем с ума сошла? Это соседняя машина подъехала. – И экран телефона метнулся в левую от водителя сторону, открывая обзор на ещё одну машину – точь-в-точь как у мужа, даже цвет кабины такой же – красный. Дверца была приоткрыта, а на пассажирском сидении – пусто. Рядом тоже никого. Для того, чтобы кто-то хлопнул дверью, этот кто-то должен быть неподалёку… Муж изворачивался и врал.

Но что могла сделать сейчас жена, которую тупо разводили? Нет, возможно, в кабине благоверного никого и не было. «Да точно!» – думала жена, всю жизнь слепо доверяющая своей половинке. Однако кокон этого доверия начал потихоньку истончаться, а кое-где появились трещины.

Закончив разговор, Мила ещё долго сидела, глядя в пустоту. Рядом примостилась кошка Умка, злая, кусачая, но очень красивая! Питомице было уже четырнадцать. Когда-то дав-

ным-давно муж притащил маленького котёнка из поездки в областной центр. Купил за десять рублей. Тощая трёхцветная королева никогда не была ручной. Кусалась, царапалась, шипела. Из всех её достоинств были красота и немота. Она не мяукала. Только шепотом.

Год назад после переезда её словно подменили. Она стала тихонько мяукать и спать в кровати с хозяйкой. Бабушка Милки сказала бы, что кошка её жалеет. Но, так как супруг был в постоянных разъездах, поведение домашнего чудовища было объяснимо.

Пазл 3

Настало какое-то безденежье. Вроде и не покупали ничего основательного… Хотя, ипотека и лекарства сыну обходились в копеечку. Но с двумя зарплатами выходило бы вполне подъёмно. Если бы не постоянные простои.

А тут ещё друзья пригласили на свадьбу дочери.

Стасик был в рейсе, и присутствовать на торжестве не мог. Хотя такие дружеские посиделки он любил и вряд ли пропустил, если бы не работа.

А Милочке ужасно не хотелось без него идти. На таких мероприятиях без мужа она чувствовала себя особенно одиноко.

Постепенно чужие свадебные хлопоты увлекли и её – во-первых, она должна была спечь коржи для свадебного торта. Украшать свои кондитерские творения Мила не умела. Самое большое – обмазать и обсыпать. Ведь самое главное – чтобы было вкусно, правда?

Угадав денежные затруднения, друзья предложили считать торт подарком.

Во-вторых, поздравительный стишок. Как всегда оригинальный и с юмором. Все эти поздравляю-желаю женщина не любила – уж лучше прозой. А её поздравляшки всегда шли на ура, потому что были трогательными и индивидуальными.

Ну, а в-третьих, поздравление от отца семейства Окуневых. Было принято решение показать на свадьбе видео, записанное прямо в кабине машины. Текст, разумеется, написала супруга.

Через пару дней Стас прислал уже снятый ролик.

С экрана смотрел любимый мужчина в новой белой рубашке, застёгнутой на все пуговицы, что смотрелось забавно – ворот явно был узковат, что укорачивало шею и визуально расширяло лицо.

Вообще с возрастом Милочка перестала видеть красоту мужа. Он был родной. Однако знакомые женщины часто восхищались его красотой. Да, глаза у него были особенные – бледно-голубые, с чуть скошенным вниз разрезом. А остальное – обычное. Широкий, чуть коротковатый нос, маленький рот с узкими губами, который, наверное, делал бы выражение лица брезгливым, если бы не усы. Раньше, когда он сбривал растительность, то становился совсем мальчиком. И это подчеркивало их с Милочкой разницу в возрасте. Теперь же выбритость просто делала лицо недовольным. А ещё совсем недавно он отращивал бородку, и даже ходил в барбершоп. И вот этот его новый образ жене невероятно понравился.

Заглядевшись на изображение мужа, Милочка пропустила всю поздравительную часть, и пришлось пересматривать видео заново.

Текст супруг выучил плохо. Красивые и умные слова, написанные мастером пера, не вылетали, а вымученно выползали из уст мужчины, теряясь по дороге. При этом он смешно вращал глазами – вспоминая, что там дальше, и пытаясь не подать виду, что заглядывает в текст. Было забавно и немножко стыдно. Такое показывать нельзя!

Сейчас он, вроде бы, должен быть в Кондопоге, на загрузке. То есть не в дороге. Мила позвонила по видеосвязи. Он опять долго не отвечал, и в который раз кольнуло подозрение, что он там занят совсем не работой.

– Привет! – она заискивающе улыбнулась, – не разбудила?

– Привет-привет! Не, валяюсь. Как тебе поздравление?

– Никак. Всё плохо. Будем переписывать. Кстати, откуда рубашка?

Муж на секунду отвёл глаза. Потом как-то неуверенно взглянул на жену.

– Да вот по случаю пару рубашек и три футболки прикупил. Думаю, нужно же в чем-то торжественном поздравлять.

– Ну, молодец! – улыбнулась женщина. – Только верхнюю пуговку расстегни, когда в следующий раз будешь записываться. И ещё – говори не по тексту, а от себя. А то получается смешно. Можно что-нибудь из моего вставить, но попробуй сам, от души. Ты же Светочку с детства знаешь.

Следующая запись была уже лучше. Её и было принято решение показать молодоженам.

День свадьбы выдался солнечным и тёплым.

Торжество отмечали за городом, в маленьком деревенском кафе на берегу речушки. Приглашенных было немного, почти все знакомые. Милочка старательно веселилась. Стих всем понравился. Торт зашел на ура. Как и поздравление Стасика молодым. Он говорил о счастье, любви, доверии и верности. Действительно, кому как не ему произнести такие слова: семья Окуневых всегда считалась образцовым союзом – столько лет вместе, никаких конфликтов, все невзгоды переживали сообща, поддерживали друг друга.

Только Милочке чувствовала наигранность этого поздравления. Она не могла бы внятно объяснить, что там не так. Просто на уровне нервных окончаний вибрировала фальшь.

Чтобы сгладить негатив от видео, Мила набрала мужа по видеосвязи. Он ответил и наговорил молодоженам ещё много хороших и добрых слов. Все были в восторге.

А Милочке было плохо. Тревожно как-то. На Стасике красовалась новая бледненькая футболка-поло. Он раньше такие не любил и не носил – то воротничок натирает, то кармашек не нравится. Да и вообще муж никогда не покупал себе вещи. Что его, что сына всегда приходилось заставлять идти по магазинам за одеждой: это не нравится, это не то. Каких нервов стоило супруге купить хоть что-нибудь приличное и подходящее для своих мужчин!

А сейчас он сидит в новой шмотке, на которую никогда бы не согласился в их с Милочкой жизни.

В конце праздника её комфортно отвезли домой, и там она долго перебирала вещи мужа. Где-то далеко-далеко, в самомзаповедном углу шкафа нашла футболку-поло. Как она не была утилизирована во время переезда – чудо! Наверное, потому что почти новая. Ярко красная, мягенькая. Нахлынули воспоминания о покупке этой вещицы. Когда это было? Точно, почти десять лет назад. Тогда захотелось сделать подарок любимому и приодеть – шли на юбилей любимой милкиной тётушки.

Реакция была совсем не такая, какую ожидала влюбленная дура. Он двумя пальцами поднял со стула приготовленную вещь, скептически оглядел её и засунул обратно в недра шкафа, даже не сложив, как следует. Потом демонстративно вынул оттуда привычную футболку с растянутым воротом. С тех пор она ему не покупала одежду без согласования.

Женщина чувствовала, что теряет контроль над своей и их совместной жизнью. Было страшно.

Первый день смерти

Такое тревожное состояние не покидало Милочку до окончания его вахты. С мужем происходило что-то не то. Привычный мир рушился. Гроза витала в воздухе. Стасик совсем перестал звонить, на звонки жены отвечал скупо, безэмоционально. Как дела – не спрашивал, здоровьем не интересовался. Раньше он с удовольствием слушал новости из её жизни и работы, переспрашивал, передавал приветы общим знакомым, а теперь не проскальзывало даже привычных «мо-ло-дец» и «аналогично».

А ей так хотелось обсудить планы на отпуск, поделиться мечтами о морюшке…

Наступила пятница – последний день её работы перед отпуском и долгожданный вечер приезда любимого дальнобойщика.

Она с ветерком пробежалась по магазинам, накупила продуктов. В холодильнике доходили коржи для торта «Красный бархат» и пропитывался печёночный торт.

Милочка встретила мужа на пороге, хотела по привычке упасть в объятия, но он отгородился сумками, отвернулся, пристраивая их у двери, и глухо сказал:

– Там у напарника поломка. Пойду помогу.

Развернулся и ушёл.

Жена огорошенная стояла перед захлопнувшейся дверью. Потом вздохнула и отправилась разбирать сумки.

Пришел он часа через два, удивительно чистый. Обычно после ремонта машины вещи было не отстирать.

Небольшой сервировочный столик в гостиной был накрыт и ломился от еды. Главные блюда – два торта – украшали центр пиршества. Мила поставила бокалы под любимый ею брют и его привычное пиво.

– Ну, за возвращение! – напитки зашипели, бокалы дзынькнули. Однако Стас помочил губы, а пить не стал. Удивительно. Обычно для расслабления ему и полтора литра было мало, а сейчас бокал не может выпить. Разговор не клеился. В воздухе витало беспокойство.

Напряжение не ушло даже после ужина. Муж невнятно что-то пробормотал и пошел спать. Убрав со стола, женщина подошла к кровати и долго любовалась обнаженным телом спящего мужа. Очень хотелось разбудить поцелуями, очень хотелось близости, но, зная напряженную работу супруга, пожалела, легко провела губами по плечу и легла рядом.

Наутро Стас отправился в баню.

Это был ещё один камень преткновения между супругами. Муж страдал от гипертонии. Когда Милочка, наконец, отвела его к врачу, тот категорически запретил бани. А ведь Стасик не просто пришел-помылся-ушел. Он по нескольку часов сидел в парилке, изредка выползая оттуда в раздевалку «отдохнуть». Поначалу, когда они жили в маленьком районном городке, любитель попариться посещал баню по соседству. Сначала помывка занимала часа два, потом три, потом дольше. Собралась тёплая компания, которая после процедуры обмывала её окончание в банной забегаловке. Пиво, самогонка, водочка из соседнего магазина. Нередко Стасик приходил хорошо на бровях.

Здесь компании он пока не завел, но мылся не меньше.

А Милочка беспокоилась и изредка звонила, нарываясь на его раздражение.

Было одиннадцать тридцать.

– В четыре, если не вернёшься, подумаю, что тебе стало плохо, начну волноваться и вызванивать, – улыбнулась супруга, игриво проводя пальчиком по щеке мужа. – Вспомни, врач говорил, что нельзя тебе в парилку, давление. Ты ничего не слушаешь! – отступила, обреченно всплеснула руками и привычно перекрестила в дорогу.

Он пришел раньше, через час.

Мила прижалась к нему прямо у входной двери, вдохнула родной знакомый запах. И поняла, что что-то не так. И запах как-то изменился: стал сладковатым и неприятным, и ответные объятия задерживались. Она подняла голову и наткнулась на чужой взгляд. От этого взгляда захотелось закрыться. Его лицо заострилось и покраснело. Она отступила на пару шагов и застыла. Судя по выражению его лица, умер кто-то близкий, и сейчас муж скажет кто, потом обнимет, и они вместе переживут это страшное.

– Я так больше не могу, – тяжело, с надрывом проговорил Стас. Напряженное лицо и бегающие, испуганные влажные глаза. Время застыло. Он молчал, собираясь с силами перед ударом. Она уже погружалась в омут страха и отчаяния, потому что подсознательно знала, что сейчас произойдет.

– Прости. Я полюбил другую женщину и ухожу к ней.

Только сейчас она заметила, какими воспаленными были его глаза.

«Наверное, ему тяжело и нужно пожалеть», – саркастически проскрипел внутренний голос.

Все внешние звуки будто бы отключились. Поверхность омута была уже где-то над головой.

Мила вглядывалась в такое родное лицо, где каждый шрамик, каждая морщинка были общими. Он похудел и как-то похорошел, что ли. Видимо, действительно, седина в бороду – бес в ребро.

– Ты мне изменил…

– Нет. – Как-то суетливо и чуточку возмущенно. – Но полюбил.

– А меня ты хоть когда-нибудь любил?..

Он молчал…

– И кто она, наша молодуха? – голос прозвучал сдавленно. Сарказма не получилось. Потому что ком в горле мешал проталкиваться словам.

– Её зовут Клавдия. Она работает кладовщицей на заводе. В разводе. Две дочери.

Картинка сложилась. Смс-ки, рубашки, розочка… Кладовщица на трассе среди дальнобойщиков. Одинокая разведенка с двумя детьми подцепила, наконец, мужика, уставшего от рутины.

На остаточных рефлексах, которые двигали мёртвые губы и ворочали ненужные мысли, Мила выдавила:

– Отпускаю! Когда уезжаешь?

– С понедельника неделя учебы, до пятницы, потом сдам экзамен и туда. – Голос звучал суетливо, заискивающе.

– И все это время ты будешь здесь жить?!

– Нуу.. Хотелось бы… Но я могу пожить в палатке на берегу реки…

Милочка представила одинокую палатку, прохладные ночи, кучи змей, комаров и других чудовищ. Сердце сжалось от жалости: «Ну куда же он, в самом деле, пойдет? Что я зверь, что ли? Выгонять на улицу… Пусть остаётся».

Мозг отказывался анализировать ситуацию. Мила снова и снова вглядывалась в лицо мужа. «Может, шутка?» – трепыхалась в груди тоненькая ниточка надежды. Но Стас отводил взгляд и выглядел таким чужим, что всё тело – от макушки до стоп – заливало обидой, болью, непониманием.

Они стояли в прихожей: он испытывал огромное облегчение, оттого что больше не нужно врать, притворяться и жить с нелюбимой женщиной. Это было видно по опустившимся плечам, как после долгого выдоха, по расслабленным кистям рук, которые до этого были сжаты в побелевшие кулаки. Ему становилось легче.

А ей… Она – умерла.

Потом он заговорил. Его суетливые, быстрые успокаивающие слова плавали вокруг серым туманом:

– Ты ещё будешь счастлива. Найдёшь себе кого-нибудь. Полюбишь….

Да нет же. Сейчас она проснётся, откроет глаза, посмотрит в лицо родного человека и расскажет этот нелепый сон, навеянный сотней прочитанных романов о разводах. С тех пор, как он перешёл работать в дальнобой, ей нередко снились такие сны, и они вместе смеялись над глупыми вывертами подсознания, он вытирал ей слёзы и называл дурочкой.

Как бы сейчас проснуться?

– А что будем делать с квартирой? – бытовой вопрос стабилизировал уплывающее сознание.

– Всё остаётся вам. Свою долю перепишу на детей. С ипотекой буду помогать. Детям тоже буду помогать. – В глазах, жестах, голосе – облегчение. Будто откупался.

– Значит, до пятницы? – Да нет же, нет, нет, не может быть такого! Это её любимый муж, родной человечек. Который встречал её с работы, возил на курорты, вставал ночью к детям, любил её… Или нет? Или просто попользовался и выбросил на помойку как отработанный товар?

Боже мой! Пятьдесят пять лет. Жизнь прошла. Всё кончилось. Это возраст, когда смотрят не на женщину, а сквозь. А у Милки всегда были космические комплексы: вес, внешность, неприспособленность. Её же никогда и никто не любил и не выбирал! И уже никогда и никто не выберет…

Вот и жизнь прошла.

– Неделя, а потом заберу вещи и уйду.

Что?! Столько времени видеть его, не имея возможности прижаться к крепкой груди, вдохнуть запах, ощутить сильные руки. Жить как соседи? Блиин! А ведь эту ночь они спали ещё как супруги, и Милка любовалась его обнаженным снова по-молодому поджарым телом. Была мыслишка сфоткать его, такого красивого. Зря не стала. Сейчас послала бы этой шлюхе.

Хотя, что уж…

Она отвернулась, и, тяжело переставляя ноги, поплелась в гостиную к празднично накрытому столу. «Не хватает кутьи и киселя», – вдруг мелькнуло.

– Ну, что же, дорогой муж, давай развод обмывать. – Внутри что-то оборвалось и стало горячо. – Иди за шампанским. Семью будем поминать.

Да, семья была, действительно, хорошая – всё всегда вместе, дружно. Люди завидовали, восхищались, ставили в пример. А счастье любит тишину. Они об этом забыли.

Он смотрел на неё настороженно, не зная, что ожидать. В итоге решил, видимо, не связываться и побежал за её любимым шампанским.

А потом они долго сидели вдвоем, а между ними была пропасть. Пили не чокаясь, друг на друга старались не смотреть.

– И кто она? Лучше меня? Наверное, моложе и красивее?

– Ей сорок девять. У нее две дочки. Одна взрослая, живёт отдельно, другой – двенадцать. Клаву муж бросил два года назад.

– А что бросил? Какая причина развода? Хотя, разве она скажет правду…

– Ему её внешность не нравилась. Говорил, что толстая…

– Тоже? – Милка нервно хохотнула.

«Боже, Боже! Мне это зачем знать?» – в чуть поплывшей от алкоголя и боли голове мысли сменялись молниеносно. Какая-то мазохистка внутри задавала вопросы, которые озвучивал онемевший рот, и не успевал тормозить разум.

– Ты не толстая, – фальшиво возмутился почти бывший муж. – Ты…

– А работает кем? – прервала его жена.

– Она документы на отгрузку выписывает.

– И сколько у вас это продолжается? Давно ты мне изменяешь?

– Я тебе ни разу не изменил! – (верю-верю!) – встретил еще в прошлой поездке. Думал, пройдёт. А сейчас закрутило.

«Боже мой! – Милка с ужасом вспомнила, как в прошлый приезд таскала мужа по врачам – на фоне приема таблеток от давления произошел сбой эректильной функции. И он пропил убойную дозу мужских гормонов. – Ведь кто же знал, что нельзя после этого его отпускать – наживка для первой попавшейся акулы. Вот и пожалуйста – играй гормон!. А может быть, и не было никакого сбоя. Просто он там всё отрабатывал – на жену не хватало».

– Сердцу не прикажешь! – эта банальность буквально взбесила Милку. Очень хотелось что-нибудь разбить и кого-нибудь убить.

– Как там её зовут? – хмельная головушка выдала не совсем здравую мысль, и руки схватились за телефон.

– Да ты не найдёшь её в соцсетях! Клавдия – раздраженно прошипел муж.

– А фамилия? – Мила уже вбивала в поисковик данные.

– Беккер. Но фамилию она будет менять.

– На твою?

– Да.

Пипец! Лучше бы имя сменила! Милка опять нервно хохотнула. У неё вообще внутри кипело страшное зелье: возмущение, боль, нездоровый азарт, закипали слёзы и кровило сердце.

Это мама двух гениальных компьютерщиков не найдёт какую-то сучку?

Страничка нашлась довольно быстро, была пустая, как будто для Милки только что организованная. На аватарке летел ангел.

Да, Мила была доброй и отходчивой женщиной. Да она была православной христианкой. Да, она никому не хотела зла.

Но не сегодня!

«Ну, что, гадина, на чужого мужика позарилась? Проклинаю за это и тебя, и твоих детей! Пусть вся боль моя на тебя выплеснется! Вы никогда не будете счастливы! И ещё, имей в виду, что каждый месяц Стасик будет отправлять мне двадцать пять тысяч на ипотеку, а раз в три месяца – сыну на лекарство, которое стоит около сотни».

Слова капали раскаленным металлом внутри, все знаки «стоп» были сорваны.

Муж в это время тоже что-то печатал в телефоне. Наверное, делился с новой женщиной, как спокойно старая отреагировала на новость. Старая – ха-ха! Было видно, что ситуация принесла ему облегчение. Ещё бы – столько времени держать это в себе, отвечать на звонки почти бывшей, делать вид, что интересны её тупые новости, терпеть навязчивую заботу и постоянные слова любви, при встречах смотреть на эту оплывшую фигуру и терпеть мерзкие объятия.

– А я написала твоей шлюхе, что на тебе ипотека и лекарство для сына, – свои проклятия Милка благоразумно оставила только сопернице.

Муж схватил телефон и выбежал из квартиры.

– Я буду в машине! —донеслось уже из подъезда.

«Вот сейчас я отхвачу – по первое число!» – пронеслось у нее в голове.

Стас никогда не поднимал руку на супругу, но иногда, когда позволял себе лишнего, особенно крепкого, его взгляд зверел. Видимо, вот тогда он и был настоящимСтасом, который нелюбил, не притворялся и ненавидел свою жену. Милка побаивалась его в таких ситуациях, поэтому ей не нравилось, когда он пил что-то крепче пива.

Почти немужа не было долго. За это время Милка успела приговорить вторую бутылку, поплакать, вернуть всё в туалет и морально приготовиться к приходу монстра.

Он вернулся злой, но не агрессивный.

– Ну, вот ты и разрушила моё счастье с любимой женщиной! – в глазах полыхнула такая тоска, что женщине на мгновение стало стыдно. Но только на коротенькое мгновение.

– Она отказалась выходить за тебя замуж? – надежда вспыхнула яркой искоркой.

– Нет. Она не отвечает.

Искорка погасла.

– Может, мне у тебя ещё и прощения попросить? – Возмущенно всплеснула руками будущая бывшая. Затем тон сменился на обреченный. – Ответит. Такими мужиками, как ты, не разбрасываются. Да и что я там написала-то? Неужто она денег от тебя хотела? Кстати, детям сообщишь? – Мила уже думала, что услышит от мужа обычное «посмотрим». Но он молчал.

– Хотя, чего ждать-то? – будущая разведенка набрала номер дочери. —Дашенька, папа от меня уходит. – И все узлы в груди и желудке разом развязались и затопили тело слезами – разревелась.

В трубке – тишина. Через несколько мгновений послышался голос папиной любимицы:

– Это шутка такая?

Женщина всхлипывала и говорить не могла. В горле всё сдавило.

– Мам, не плачь, я сейчас приеду.

Милка глянула на часы. Как быстро бежит время. Больше девяти вечера. Четверть суток, как не стало счастливой, весёлой и довольной жизнью женщины, до смерти влюбленной в мужа. Эта женщина умерла.

Странно, но перед глазами Милы опять промелькнула аналогия с похоронами. В доме покойник, и собираются родственники на тризну. Потом подумала, как дочь поедет через весь город на такси с каким-нибудь сумасшедшим водителем и торопливо отказалась:

– Не надо приезжать. Пока не надо. Ты все равно ничем не поможешь.

– Мам, ты в порядке? Сахар, давление как? Всё будет хорошо. Буду завтра утром.

– Всё в норме. Я позвоню, дочь! Только большая просьба – папу не блокировать и не игнорировать. Он остаётся вашим отцом.

– Посмотрим…

Милка отключилась первая и тут же набрала сына. Послышались гудки «занято». Ах, да. Он же работает.

И сын, и невестка работали в какой-то школе для одаренных детей онлайн, и уроки у них могли длиться до позднего вечера.

Зажав в руках почему-то горячий телефон, женщина смотрела в никуда.

И тут, как сирена, одновременно раздались звонок на его телефон и сигнал оповещения с её.

«А, может, правда, любовь?» – подумала Мила, глядя на щенячий восторг, с которым муж, увидев имя абонента, вскочил и снова бросился на улицу.

Своё сообщение она вскрывала с чувством глубокого равнодушия. Однако письмо шлюхи с трассы каждым словом всё больше ярости вызывало в душе пострадавшей.

«Здравствуйте, Людмила! Я понимаю ваши чувства. Сама через это прошла два года назад. Но никого не проклинала. И вам желаю счастья. Вам и вашим детям. Я очень позитивный человек, люблю жизнь и никому никогда не причиняла зла. Вы очень хорошая женщина. Просто сейчас вам больно и это можно понять. Что насчет денег, то мы, конечно, будем вам помогать. И детям тоже. Нам, безусловно, будет трудно, но мы найдем возможность. Мне нужен только Стас».

«Вот сука-то! Всё она понимает! Зла никому не причиняла! А мне? А мужиков чужих уводить – это не зло?! Трудно им будет. А мне легко? Мне тоже нужен Стас! Да если бы она понимала и такое же испытала, разве посмотрела бы на женатого?».

Милочка упала на кровать и разрыдалась – некрасиво, громко, вздрагивая всем телом. Мокрая подушка плохо скрывала звуки, но их некому было слышать – дома поселилась пустота.

Которую расколол рингтон звонка от сына:

– Мам, что случилось?

– Папа от меня уходит! – С надрывом, растягивая слова простонала женщина.

Повисло молчание. Саша, видимо, осмысливал ситуацию. Милочка представила эмоции, меняющие выражение его лица. И, практически угадала с последней, когда в трубке раздалось резкое и возмущенное:

– Пипец! Он рехнулся!? И к кому это?

– На трассе подженился на какой-то кладовщице.

– Обалдеть! Ему мозги снесло? Мам, не плачь. Сейчас приеду.

– Нет. Не надо пока. – Мила собралась и отвечала сыну уже почти спокойным голосом, в котором совсем чуть-чуть пробивались истеричные всхлипы. Детей не нужно впутывать. Им тоже будет непросто принять эту ситуацию. – И прошу, сынок, сохраните с папой хорошие отношения. Он отец.

– Он идиот! Головой нужно думать, а не головкой! Мам, помощь какая-то нужна?

– А чем тут поможешь, сынок? – И снова накатила жалость к себе. Из глаз полилось.

И когда же кончатся эти слёзы?!

Слёзы понемногу кончались. На их место приходила черная пустота. Она как хозяйка занимала собой все ниши после того, как схлынул слезоразлив. Но где-то в самом центре организма, между рёбрами, поселился маленький болезненный шарик, и метастазы от него опутывали ребра, поднимались к горлу, ввинчивались в мозг. На удивление, Мила была трезва, как стёклышко. И пуста, как бутылка из-под шампанского на помойке.

Хотелось лечь и умереть. Легла. Смерть не приходила.

Спать тоже не хотелось.

Боль разрасталась, грозя разорвать сердце, мозг. Её хотелось выплеснуть, с кем-то поделиться, чтобы хоть чуть-чуть ослабить болезненное напряжение.

– Ириш, привет! Не разбудила? – вот ведь, тоже пара с огромным стажем – побольше, чем у Людмилы со Стасиком! А живут душа в душу.

– Привет, Милочка! Нет ещё. А что у тебя с голосом? – голос подруги был как у хорошего психотерапевта – воркующий, успокаивающий, доброжелательный. Это всегда настраивало на поболтать и поделиться.

– От меня Стасик уходит! – Снова волна боли, слезы, спазм.

В трубке повисло молчание.

– Да нет. Да не может такого быть! Нет! Не верю! Всё же хорошо было! Столько планов всего неделю назад! Как так-то?

Да. Всего неделю назад она так хотела к морю! Путешествие с мужем, вдвоём. Возможно, в горы Адыгеи, которые не так давно они штурмовали с палатками, или в почти незнакомую Абхазию.

А теперь уже никогда.

– Вот так! Не ехало – не гремело. Подженился в Кондопоге на сучке с трассы!

– Вообще пипец! Вот мужики-сволочи! Но Стасик-то? Как он мог? Такой мужик порядочный, серьезный, настоящий. Чего его так повело-то?

– Он говорит: «Любовь! Сердцу не прикажешь!»

– Это члену не прикажешь, а сердцу и приказывать не надо. Слушай, а может быть, его приворожили, или ещё какую-то заразу наколдовали? Ну не может человек так переобуться за пару месяцев. Точно эта фря к ведьме ходила. У меня тетка недавно своего мужа через бабку

возвращала. Так та пошептала, и колдовство вернулось к разлучнице. Проститутка эта вроде сейчас раком болеет, а мужик обратно припёрся. Ну а если не вернётся, то точно потом сто раз пожалеет.

– Ты бы его видела! Там такая решимость в глазах! А когда она звонит – лицо, как тысячеваттная лампочка.

– Он ещё и при тебе с ней по телефону болтает?! Вот сволочь!

– Нет. В машину уходит и по два часа там сидит.

Милка вдруг подумала, как давно она не разговаривала с мужем по два часа. Да, наверное, никогда. Она вообще не умела долго разговаривать по телефону – пара фраз по делу и всё. Не её это. Куда легче глаза в глаза. А заочно – лучше напишет. А муж? Да и он всегда был неразговорчивый. А поди ж ты!

Когда только поженились, вообще молчуном был. Молчал и делал. А теперь… Книжки на ночь ему читала, вот он и расширил свой словарный запас, гад!

Пауза в разговоре затянулась. Подруга переваривала новость.

– Знаешь, что, давай-ка завтра на карьеры купаться с нами.

Представив себя, зареванную, с океаном слёз внутри и очень слабенькой плотиной, Мила отказалась, клятвенно пообещав звонить, как только понадобится психологическая помощь. Все-таки это так по-русски – лечиться не у врачей, а у подруг.

И снова осталась наедине с пустотой, которая пожирала всё вокруг, включая и саму Милку. Рядом сидела кошка и смотрела своими космическими очами в глаза хозяйки. Даже не в глаза, а в саму душу, наполненную пустой тьмой и болью.

Милка перелезла через огромную супружескую кровать, утопая коленками в шикарном мягком матрасе, купленном недавно для счастливой совместной жизни, неуклюже перевернулась и прислонилась спиной к стене.

Слёзы текли, не переставая. Вспомнилось, как покупали этот матрас. Как он заставил её полежать на каждом понравившемся. Как заботливо заглядывал в глаза: «А этот как?». Она стеснялась окружающих, но, повинуясь приказу, перекладывала свою тушку то туда, то сюда. Она вообще практически всегда его слушалась. И про всё спрашивала, преданно заглядывая в глаза, как собака. Сука!

«Нет. Этого не может быть. Это происходит не со мной! Мой муж не может так со мною поступить. Это сон. Мне снится кошмар. Проснусь, и будет всё, как прежде».

А перед глазами кружились кадры их жизни: вот первые свидания у нее дома, в деревне – такие волнительные! Вот Стас под окнами роддома, когда дочка на свет появилась – потрёпанный какой-то, счастливый! А это редкие встречи в больнице, где Милочка часто и подолгу лежала с больным сыном. Их путешествия, его первое свидание с морем, походы, озёра. Как на подводной охоте он плавал, а она не находила себе места, потеряв из вида огонек фонаря.

Сколько всего! И сколько во всём этом счастья! Неужто любовь жила только в её сердце? Неужели он только пользовался так долго и при первой возможности выкинул, как ненужную вещь?

Про прежнего Стаса такое даже подумать было невозможно. Но человек, который сегодня поселился в квартире – это уже не он. Чужой. Отстраненный.

Сон не приходил. Здравствуй, дружок-корвалол!

После убойной дозы лекарства удалось уснуть.

На час.

Потом снова слёзы, снова отрицание и неверие.

Муж давно уже пришёл с улицы и завалился на диван в гостиной. Сквозь полубредовое состояние она этого не заметила. Но, вставая ночью, заглянула в соседнюю комнату.

«Верхнюю одежду не снял, – по привычке заметила Мила. – Завтра будет всё мятое!». Будить не стала. Хотя, возможно, он тоже не спал.

Ещё одна доза успокоительного укоротила ночь на пару часов.

Как же хочется умереть!

В ванной Мила посмотрела в зеркало и ужаснулась: вместо глаз – щелки, лицо опухло, особенно нос, волосы грязные… Она же вчера хотела до прихода мужа из бани принять ванну!

Не успела… «Помоюсь сегодня», – вспомнила, как еще девочкой стала свидетелем того, как у бабушки дома собирались соседки, чтобы помыть покойника. Сам процесс она, понятное дело, не видела.

Второй день смерти

Под утро прилетело сразу несколько сообщений:

От подруги: «Как ты? Во сколько за тобой заезжать?»

От дочери: «Мам, как ты? Я приеду?»

От сына: «Мам, ты как? Может, что нужно?»

Вынырнув на поверхность реальности, Милочка не могла прийти в себя и долго пялилась в экран телефона, осмысливая происходящее. Медленно возвращалась память и вчерашний кошмар, и боль в грудине, и слёзы.

– Ириш, я никуда не еду. Пока не хочу. Дай мне пару дней.

– Сынок, я держусь. Всё в норме.

– Доченька, приезжай, пожалуйста.

Пока ещё муж уже не спал, но лежал и воспаленными глазами смотрел в потолок. Диван так и не был разобран. Приготовленное ею постельное белье и подушка остались невостребованными.

Уже смиряющийся разум нашёптывал бедной брошенке: «Как я без него? Жалюзи на антресоль так и не повешены, плитка в ванной, обои на кухне, люстра дурацкая с вечно мигающим светом…».

– Стас, пока ты ещё здесь, перевесь, пожалуйста, люстру. Я куплю другую. Эта мигает. – Милочка постаралась, чтобы тон не звучал совсем уж умоляюще. Как будто он не знал об этой неисправности. Уже год как нужно было сменить. Но, может, сподобится, наконец. – Пусть после тебя останется хоть что-то светлое… – Последняя фраза была явно лишняя, но сквозь бредовое состояние пробилась очень неуместная сейчас мысль, что звучит очень по-философски.

Он пробормотал своё вечное «посмотрим», даже не пошевелившись.

Пока ещё супругу снова кольнуло это отстраненное упрямое выражение лица. Как будто он морально приготовился к тому, что она начнёт просить остаться, унижаться, но он будет твёрдо стоять на своём, отстаивая свою «новую любовь». Похоже, он реально этого ждал. А может быть, она не так хорошо и знала своего благоверного. (Благоверного – ха!)

«Не дождётесь!» – подумала Мила гордо, повернулась, прошла в спальню и, сломанная, с беззвучными рыданиями рухнула на кровать. «Господи! Больно-то как! Помоги! Пусть одумается. Пусть никуда не едет! Ведь всё же было хорошо. Ведь не бывает так, чтобы раз и всё сломалось, чтобы вырвало с корнем столько лет брака!».

В квартире поселился ад. Хмурый хозяин молчал, утонув в телефоне. Милочке представлялось, что было в их сообщениях: и любовь, и признания, и ласковые слова, и мечты, и эротические намёки, и надежды на скорую встречу. Как будто танцы у гроба.

И ему было пофиг, что в соседней комнате женщина корчится в предсмертных конвульсиях.

Она попыталась вспомнить всё плохое за двадцать шесть лет семейного счастья, а на память приходило только радостное. Разве не любил он ее в тот апрельский отпуск в Геленджике, куда они, как сумасшедшие рванули на его день рождения? А когда, уложив спать маленьких детей в съемной квартире, срывались под ночь в новую, только что купленную, клеить обои? И там до изнеможения… А когда любили друг друга в лесу? Или это было счастье только для неё? А он так, терпел?

И вот теперь, наконец, пришла любовь. Нет, не так ЛЮБОВЬ!

Один раз она, зареванная, зашла в комнату, где в телефоне сидел муж с равнодушным чужим лицом, почти бывший, и попыталась с ним поговорить.

Нет, она не просила остаться, потому что уже подсознательно отпустила, потому что знала его упрямый характер – чем больше настаиваешь, тем упорнее он будет сопротивляться. Она пыталась его уберечь, чисто по привычке чувствуя свою ответственность за его будущее.

– Стас, будь осторожнее. Этой женщине под пятьдесят. Она прошла и Крым, и Рим. Кладовщица, которая работает с дальнобоем. От нее ушел муж – значит, было за что. Подожди с регистрацией брака.

Людмила почти реально видела, как снежки её слов разбивались о стеклянную стену, выстроенную им, впечатывались, подтаивали и стекали, оставляя после себя кровавые разводы. Он был за стеной в уже новой жизни.

– Мы сейчас будем квартиру покупать. – Она вздрогнула. Её резануло это «мы». А он как будто не замечал её состояния и азартно делился планами. – И она, и я возьмём кредиты. Но вам я тоже буду помогать. И детям, и тебе. Ты вообще обращайся с любым вопросом. И ипотеку так же вместе отдавать будем. Клавочка на всё согласна. Может быть, в гости когда-нибудь приедете. Ты себе обязательно еще кого-нибудь найдешь.

Как горели его глаза!

А у Милки сгорало всё внутри! Что же он тупой-то такой! Как такое можно говорить сейчас? Неужели он не понимает, как это больно? – Она взглянула на мужчину. – Нет. Не понимает. Наивный донельзя! А бабища его? Два года в поиске. Нашла себе порядочного. А он, никогда не изменявший, вдруг получил фейерверк. Мысли перескакивали, сбивались.

– Тебе будет не вытянуть две семьи с двумя кредитами.

Муж молчал и, не отрывая глаз от телефона, делал вид, что разговор закончен. Он уже всё решил. И, зная его характер, Милочка даже не пыталась его отговорить.

Но, Господи, как же это больно!

Опять подступили слёзы.

В спальне, куда она метнулась, чтобы не показывать свою слабость, снова схватила телефон и набрала человеку, который точно должен быть помочь или, хотя бы понять – Оксана несколько лет назад была в такой же ситуации. Она тоже прошла через очень больной развод и воссоединение бывшего мужа с любовью всей его жизни.

– Ксюш, мы со Стасом разводимся!

– Да ну тебя! Не может быть! Ерунда какая! – в голосе подруги было столько возмущенного удивления, что жалость опять прорвалась океаном слез. Не сдерживая рыдания, Милочка выдавила:

– Ксюш, когда перестанет болеть?

– Ну, ты это, Мил, держись. Вы сколько лет в браке?

– Двадцать шесть…

– Раздели на два. Вот столько и будет болеть.

– Я столько не проживу!

– Куда ты денешься! У тебя дети. Слава Богу, вы успели переехали поближе к ним.

– Ксюш, а как ты справлялась?

Через вечность молчания Мила услышала тяжелый вздох. И у нее ещё болит. А ведь прошло больше десяти лет…

– Во-первых, нужно разговаривать. Со всеми, кто близок. Это помогает. Боль уменьшается. Меня тогда только близкие и вытянули. Во-вторых, у тебя есть дети, работа, увлечения. Пиши! Выплесни всё из себя. Может, детектив? Убей их в конце концов каким-нибудь изощрённым способом! Жизнь продолжается. Эта страница закончена, открываем следующую.

Милочка тихо ревела, всхлипывая и вздрагивая всем телом. Нет, ну невозможно столько плакать.

– Спасибо, Оксана, ты мне очень помогла. Но тринадцать лет – это слишком. Жизнь – она, сука, короткая.

Нажав на отбой, Милка решительно поднялась, вытерла слёзы и вернулась в гостиную.

– Комп оставишь? – компьютер всей семьёй собирали ему на день рождения. Дети спрашивали у Милы: «Мам, а как тебе такая клава? Слушай, а мышку попробуй, тебе удобно?» Да. Подарок папе, но он постоянно в рейсах. А для супруги – это и работа, и творчество.

– Я хотел бы забрать.

– Понятно…

– Да ладно, оставлю. – Он был расслабленным и великодушным.

Милка жалко улыбнулась, как от подачки. Но компьютеру она, действительно, была рада.

В дверь позвонили. Дочь. Чип и Дейл спешат на помощь.

Дашка с порога раскрыла объятья и укутала в них маму, давая возможность выплакать горе, даря кусочек той самой необходимой надежности, которая ушла из жизни вместе с мужем.

Папа к дочке не вышел.

Она сама завела мать в спальню, ещё раз обняла, плотно прикрыла дверь и пошла разговаривать с отцом.

В другое время Мила обязательно бы попыталась подслушать этот судьбоносный разговор. Но сейчас апатично сидела там, куда её посадили и, обхватив себя руками, раскачивалась взад-вперед. Мыслей не было. Чугунная голова гудела. Да она и не хотела думать ни о чем.

Наконец, разговор завершился, дочка вошла, присела рядом, приобняла и поцеловала мать в седеющий висок.

– Значит так. Здесь он жить не будет. Пусть сваливает куда-нибудь – его дело. А у нас всё будет хорошо. Мы с тобой через три недельки съездим в Москву на концерт. Поедем?

– Да.

– Ипотеку, если что, мы поможем отдавать.

– Но он же обещал…

– Мамочка, ну, что ты как глупенькая. Мало ли что он обещал. Там будет рулить другая тётка. Это сейчас она хорошая, а потом с новыми кредитами гайки зажмёт. Не переживай – всё устроится.

Женщина посмотрела на свою взрослую мудрую дочь, и в её душе шевельнулась гордость, которая чуть-чуть ослабила тот болючий узел, образовавшийся вчера, когда Милка умерла…

– Даш, ну куда же он сейчас пойдёт? – вдруг осенило Милу.– Денег сейчас с этим разводом впритык. А им ещё квартиру покупать. Вроде, пока не купят, папе и жить негде…

– Мам, ну ты совсем? Нравится быть терпилой? Это их половые проблемы. Хоть на улицу. Думай о себе.

– Дааашенька! Я так его люблю!!! Дашенька, как же больно! Пусть он останется. Я не смогу жить без него! – тихо, почти шёпотом скулила Милка, чисто подсознательно чувствуя, что за дверью спальни сидит он, совсем чужой и уже очень далёкий. Поэтому все плачи и стоны – приглушённо.

Две женщины плакали, переживая одну на двоих потерю. Дочка отвечала так же тихо, в мамину макушку, и тоже сквозь слёзы.

– Всё будет хорошо! Мы справимся. А он когда-нибудь пожалеет. Но будет поздно.

– Я буду его ждать. И приму всегда!

– И потом будешь мучиться, вспоминая его предательство? Мам, отпусти.

– У меня жизнь кончилась!

– Вчера. А сегодня началась новая. И она тоже будет хорошая, правда. А хочешь, мы заведём традицию собираться по пятницам у тебя и играть в настолки? Я научу. Будем с тобой Сашку с Надей обыгрывать.

– Хочу! – Милка кивнула в мокрое от собственных слёз плечо дочери.

На самом деле ей ничего не хотелось, но она знала, что дети не подведут и будут собираться в унылом доме матери, поддерживая и опекая. А потом, со временем, эти сборы будут

всё тягостнее, ведь у каждого найдутся свои дела, и, в конце концов, останется она один на один с одиночеством, боязнью замкнутого пространства, боязнью людей и ещё кучей фобий.

– Маш, как же я его люблю! Я без него просто не смогу!

Они долго сидели вдвоем и плакали, каждая по-своему переживая горе.

В дверь позвонили.

Траурную обстановку разрушили голоса сына и невестки. Начался сумбур отцовых сборов. Было решено, что папа отправится на съемную квартиру сына, а тот со своей девушкой переберётся на время к маме.

Милу немного коробило, что дети как ни в чём ни бывало общаются с отцом, решают какие-то вопросы, по-деловому что-то обсуждают. Да, она просила сохранить с ним хорошие отношения. Но сейчас это ощущалось предательством.

Муж неаккуратно сваливал в сумку нижнее бельё, джинсы, еще какие-то вещи. Изредка спрашивал:

– А это можно взять? – И при этом ни разу не взглянул на брошенную жену.

– Бери всё, что хочешь. Только компьютер. Ты обещал. Мне для работы.

На секунду в его глазах промелькнуло расчётливое сожаление. Он согласно кивнул и продолжил сборы.

Через полчаса её уже мутило от его: «А это можно взять? А это?» И так по каждой мелочи. В конце концов, она устало произнесла:

– Бери всё, что хочешь. Даже комп можешь. Ведь на самом деле, его покупали тебе. – Она как-то беспомощно всплеснула руками и ушла в спальню, прикрыв дверь.

Звуки сборов доносились как бы из-под воды.

Она знала, что это только первый этап. Через месяц-два он пригонит свою – теперь уже не общую – машину и заберет всё остальное, очистит семейное гнёздышко от счастливого прошлого.

Слёз почему-то не было. Было отупение и непрекращающаяся загрудинная боль.

Когда щелкнула входная дверь, Милка нашла в себе силы выйти из спальни, чтобы попрощаться. Но он кинул на нее равнодушный взгляд и с какой-то страшной усмешкой, приподнимая две сумки, произнёс:

– Ну вот, все двадцать шесть лет уместились!

«Сука!». Рука женщины, поднявшаяся было для привычного благословения, безвольно упала. Дверь закрылась, отрезая прошлое от его будущего.

– В две сумки! Ты понимаешь, Маша, в две сумки!!!! А ничего, что половина его машины забита тряхомудьем для рыбалки его долбанной?! Сколько нервов я с этой рыбалкой потеряла! А ничего, что ещё полшкафа его костюмов, рубашек, верхней одежды! А для пива его прибамбасов целый огромный шкаф в гостиной?! А он бедненький —две сумки! Да у него шмоток больше, чем у меня. А ещё он ведь никогда не носил зашитое и, не дай Бог, штопанное. Малейшая дырочка – выкидываем.

Было обидно. Жалко себя, прошлую жизнь. Но сквозь эти чувство ростком пробивалась злость.

Да как так-то? Когда поженились – пришел со старинным деревянным чемоданчиком, в котором было штук десять пластмассовых рубашек, модных где-то в 70-х. Откуда их вообще в деревне можно было тогда взять? А теперь, поди ж ты! Две сумки всего!

Умом брошенная женщина понимала, что гнев – лучше, чем сопли, и пыталась подпитать в себе это чувство, чтобы хватило на подольше. Чтобы хоть как-то заглушить клубок боли внутри. Не получалось.

Какие там этапы мы проходим, чтобы смириться с ситуацией и пойти дальше?

Отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. Уже нужно переходить к гневу, иначе можно закопаться в отрицании и поехать кукухой.

Ведь были же моменты, когда хотелось убить или, даже, развестись. Давай, Милка, вспоминай.

Он всегда был ведомым. Сейчас ты отпустила вожжи и их перехватила другая. Вспомнился момент, когда, еще в конфетно-букетный период его сомнительный дружок подбивал пойти на стрелку к парням, немного попортившим его физиономию. И Стасик рванулся.

Но тогда они были уже в отношениях с Милочкой. Она встала грудью за их будущее:

– Если ты сейчас пойдёшь с ним – ко мне не возвращайся. – И это не потому, что просто захотелось поманипулировать и обозначить свои границы. Она действительно переживала за него, потому что знала, что огребут два мальчика от деревенских мужиков. Да и получил этот якобы друг точно не зря. К замужней женщине полез – в результате её муж и его брат проучили забияку.

И тогда девушка впервые почувствовала этот ноющий укол в сердце: у парня глаза покраснели и налились слезами:

– Если ты меня выгонишь – я повешусь!

И было горячее примирение. Огромное сердце девушки растаяло от счастья. Наконец-то выбрали её!

Сейчас с высоты прожитых лет она понимает, что это была чистой воды манипуляция, маленькая зарубочка, которая сегодня превратилась в огромную пропасть.

А тогда она была счастлива. Она летала.

Она летала двадцать шесть лет.

Как больно падать!

Так. Ещё что плохого? Когда переберёт с алкоголем – агрессивный.

И перед глазами кадры прошлого: День города, он позволил себе лишнего и понеслось. И хоть ты тресни – его никак не выцепить из-за стола. Пить до последнего!

Сколько тогда было детям? Пять и три? Милочка собрала Дашку с Сашкой и пошла домой с ними одна. Дорога была дальняя, автобусы ходили плохо. Тихо топали знакомой дорожкой. Это было хорошее время. Дети с удовольствием рассказывали, как проходит день, про друзей и игрушки. Почему они свернули не по прямому пути, а через железнодорожный вокзал, уже и не вспомнить. Но, когда уже подходили к улице, где снимали неблагоустроенную квартирку, увидели папу. Сашка сразу заплакал, увидев такого папу.

Он был страшен. Милка сразу подумала, что будет бить. Но, отдать ему должное, за все годы брака он ни разу не поднял на нее руку. Только в шутку, играя.

Зато был скандал: не там пошли, долго, он уже дважды пробежал эту дорогу. Тогда, вроде, и телефонов-то не было.

А когда пришли домой, он решительно заявил, что повезет детей смотреть на салют. На машине. С такой дозой алкоголя в крови!

Благо ключи от машины лежали на виду. Милка спрятала их и с ужасом стала наблюдать за мужчиной, который, как лев в клетке, носился по дому и искал заветный брелок.

Стасик угомонился ещё до салюта, уснул на веранде.

И всю ночь Милочка таскала ему тазики. А на следующее утро ему было так плохо! А ей его так жалко! Никакой ругани – чего уж тут, сам наказан.

Женщина вообще побаивалась своего бывшего мужа. И не только в алкогольном состоянии. Резкий тон, недовольный взгляд, непонятное молчание – постоянно ввергали её в панику. Что случилось? Чем недоволен? Что сделала не так?

Она старалась делать так, чтобы он гордился своей супругой. Милочка писала стихи. Так, для души. Но это была хорошая эмоциональная подпитка для её крайне заниженного эго. Людям нравилось, они восхищались. А ей было безумно приятно. И вот эти людские восторги

она несла и ему: «Вот, посмотри, я же талантливая! Меня же можно ценить ещё и за это!» И ей казалось, что он ценил, что ему нравилась её такая маленькая, но приятная популярность.

Видимо, казалось.

Про Стаса, кстати, она писала очень редко. Пять-шесть стихов за всё время. Но каждое из них было пронзительно. Она выкладывала квинтэссенцию своих чувств. Хотелось, чтобы понял и принял…

И очень обидно, что он сейчас даже слов не нашел. Не дал оплакать себя на своем сильном плече, не обнял напоследок. Не попросил прощения по-человечески. Просто отрезал и выбросил.

Кобелина!

Звонок телефона вывел её из больного марева. Она перевернулась на кровати, с которой практически не вставала вторые сутки, перевернула подушку сухой стороной и наткнулась на взгляд кошки, как всегда мудрый, космический. «Ничего, Умка, выживем!».

Звонок не прекращался. Обнаружив телефон в складках скомканного одеяла, приняла вызов.

– Милочка, привет! Тут такое слышала! Вы что там с ума сошли? – ещё одна подруга, Наташа, очень прагматичная, серьёзная и надёжная, как скала. Ещё одно плечо, куда можно уткнуться мокрым носом и от души пореветь.

– Наташечка, от меня Стасик уходит!

Как и все остальные, кого огорошила эта новость о такой, казалось бы, крепкой и дружной семье, подруга молчала, переваривая ситуацию. Потом последовала реакция. Очень нужная, очень правильная:

– Так, дорогая моя! Давай-ка к нам.

– Не могу! – прорыдала Милочка. – Мне сейчас ничего не хочется. Я умерла.

– Правильно. Умерла. Родилась другая, сильная самодостаточная женщина. И он умер. Не зря же есть традиции. Умер – на третий день хороним, на девятый – поминаем, на сороковой – отпускаем.

– Я так не могу. Я люблю его. Мне так больноо!

– Больно. И ещё поболит. Но пройдет. На место боли придет легкая грусть. А сейчас плачь. Оплакивай его. Тебе нужно. Давай, рассказывай и реви.

– Сказали, что тринадцать лет болеть будет.

– Почему именно тринадцать? – в голосе слышалось изумление.

– Двадцать шесть разделить на два.

– Никаких тринадцати лет! Три дня, девять и сорок. Всё! Идём вперед. А если честно, Милка, у нас тоже в семье всё через задницу. Но, если бы случилось что-нибудь подобное с моим, я бы обчистила его как липку, стрясла всё, что возможно, устроила бы себе грандиозный шопинг и поехала за границу. Кстати, что у вас с квартирой?

– Переписывает свою часть на детей. Ипотеку пообещал помочь выплатить.

– Вооот! И пусть это документально оформляет. И передачу прав собственности, и расписку, что будет деньги платить. А то сегодня пообещает, завтра разобещает. А ты ему – раз – расписочку под нос!

Милка всегда завидовала прагматизму подруги, её здравомыслию и ровному отношению с супругом. Там не было ни намёка на самоотверженность. Сначала для себя – потом для него.

Мила так не могла. Всё для него. Стасик так много места в душе занял, просто врос, что сейчас выдрать его оттуда – практически смертельная операция.

Но надо – по молекуле, по атому разобрать эту ненормальную привязанность.

И правда, сегодня одно говорит, завтра головка в другую сторону повернётся – и ни денег, ни квартиры.

После сеанса дружеской психологической помощи, приглашения в гости и волшебных пинков – ну не умела Ташка сопли разводить – женщины закончили разговор.

И Мила, немного воспрянувшая духом, решительно включила экран телефона и заблокировала и предателя, и его шлюху во всех соцсетях.

И снова занялась самокопанием. Что случилось? Почему это произошло?

Первый неутешительный вывод – разница в возрасте. Всё-таки восемь лет – это барьер. И интеллектуальный, и нравственный. Здесь даже эпохи разные. Милочка – дитя советского времени. Когда ей было шестнадцать лет и она, закончив школу, начала самостоятельную жизнь, муж учился во втором классе. Студенческая жизнь, ещё комсомольская юность, колхозы, агитбригады, влюбленности вихрем пронеслись по её жизни в то время, когда он учился в школе, не доучился и с четырнадцати лет работал в колхозе.

Они встретились, когда ей было двадцать семь, а ему девятнадцать. Совсем ещё мальчик. И не думала она, что выйдет за него замуж. Пусть будет ребёночек – вырастит. Профессия есть, родители и бабушка помогут. Но что переклинило в её голове, что она согласилась стать женой эмоционально незрелого юноши! А ведь он таким и остался. Избалованным мальчишкой, который думает только о своих чувствах, делает только то, что нужно и нравится ему.

И Милочка сама в этом виновата. Она всегда потакала ему в этом. Была мамкой, одним словом. Теперь мамка у него будет другая. Она тоже будет дарить ему кучу эмоций, выворачиваться наизнанку и получать в ответ только отражение своих чувств. Так ей и надо!

Или нет? Или он всегда был расчётливой сволочью, которой было удобно в уютном коконе, свитом вокруг него Милкой? Ему удобно было пользоваться друзьями и родственниками очень доброй и щедрой жены-дуры, принимать на свой счет лучи её маленькой местечковой славы.

Она была талантлива. Несомненно. Если бы ей поменьше лени и побольше честолюбия…

А ещё, как ни смешно, но Милка постоянно выполняла какие-то общественные обязанности. Даже депутатом была до недавнего времени. И не потому, что к этому стремилась – отказывать не умела. Совсем. Этим пользовались.

«А теперь из депутатов ушла, вот и он свалил», – горько усмехнулась Милка своим мыслям.

После того, как всемирный переезд был окончен, вместо призрака в квартире поселились сын с невесткой, две кошки и собака.

Полдня устанавливали компьютеры – сашкин – в гостиную, семейный – в маленькую спальню Милочки.

С каким удовольствием совсем недавно подбирали супруги новую мебель! Большой шкаф, кровать и небольшой столик, который только-только поместился в углу под окном, между стеной и изголовьем кровати. Компьютер встал на этот столик. Жаль новый компьютерный стул уже не влез. Шикарный, кожаный, мягкий. Только бы Стасик не забрал!

Надя работала за ноутбуком, которому установка не требовалась.

День прошел тоскливо. Мила заставляла себя что-то делать, но ничего не получалось. Но дети понимали её состояние и не дёргали. Сами приготовили поесть, покормили зверьё, которого теперь здесь было больше, чем людей.

Мила не любила собак, побаивалась их. Кошки лучше. Даже её Умка, которую когда-то муж привёз из областного центра, купив маленького дикого котенка за десять рублей. Котёнок вырос в тощую диковатую трехцветную кошку, агрессивную, но с такой милой мордой, что ей прощались все царапины и укусы. Сейчас кошке уже четырнадцать.

«Вот и помрём вместе», – подумалось Милочке, и она, прижав к себе вырывающуюся, шипящую Умку, опять заплакала. Кошка вывернулась из рук, но не убежала, а легла на кровати рядом и заглядывала в душу космическими глазами.

Где-то за дверью комнаты скакал жизнерадостный пёс, дети работали онлайн на компьютерах: один – в гостиной, вторая – на кухне. Глухо работал вентилятор. В приоткрытое окно заглядывал июльский вечер. По улице ездили машины, ходили люди. За пределами комнаты продолжалась жизнь. Здесь время остановилось.

Милочка перевернулась на другой бок.

Что ещё было плохого?

Его бани! По два-три, а то и четыре часа. И опять это надоедливое чувство беспокойства. И его возвращения оттуда под хорошим градусом. «Я буду только пиво!» – а после, —«Юрка принёс своей самогоночки. Знаешь, как классно пьётся – запаха совсем нет. А потом я сбегал за водочкой».

Милке всё это не нравилось. Если мужу залетала хоть капля крепкого, его было уже не остановить. Особенно в «хорошей компании».

И целый вечер хождения по краешку. Возможно, он ничего бы и не сделал, но у женщины был большой опыт жизни с агрессивным алкоголиком-отцом, от которого мама прятала ножи и вилки. Поэтому резкие слова, да даже злые взгляды делали из женщины зашуганную овцу.

Милка снова повернулась на кровати, даже не пытаясь встать.

Телефон опять подал признаки жизни. Звонила тётя. А это было уже нехорошо. У неё давление и ещё куча болячек. Как перенесёт новости из жизни единственной племянницы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.